

РАССКАЗЫ

ПИКНИК ПРИ ПЛОХОЙ ПОГОДЕ

Наверное, у многих в жизни случались встречи с какими-нибудь неприметными и малозначительными на первый взгляд персонажами, фиксируемые памятью как повторные знакомства; причем те, начальные, можно было бы восстановить с достаточной достоверностью, хотя раньше в этом никакой потребности и не было. И все же это такие встречи или знакомства, которые повлияли, несмотря на свою мимолетность, если не на судьбу или мировоззрение, то в эмоциональном или информационном плане, как минимум, на какое-то, пусть и непродолжительное время на личный житейский фон.

Часто результат таких встреч имеет незначительную, почти неприметную инверсию, то есть определенно-ожидаемое событие происходит, но в другом месте и в совершенно другом качестве. И тем не менее именно она-то, инверсия, или при условии достаточно продолжительного и искусственно поддерживаемого уровня, или мгновенного, но сомнительного результата может приводить к неожиданным последствиям. Вот о такой повторной встрече, с уверенно прогнозируемым, отрицательным остатком или осадком, мне и хотелось рассказать.

Стоял один из замечательных последних августовских деньков, один из тех, что некоторым нравится относить к бабьему лету, хотя это обычное лето, и даже незатянувшееся. Но о бабьем лете многие уже поминают, как только такие деньки образуются: воздух замер, солнышко раскочегарилось так, что впору его притушить, и прелой листвой уже пахнет, хотя этот факт совсем не снижает градуса общего позитива. А вот птички (чайки и вороны — не в счет) уже не поют, а просто редко посвистывают и как-то неуверенно уже, а в воздухе постоянно повисают паутинки и висят, висят, а воздух стоит и стоит, столбом стоит. И у этих деньков есть одна непротивная, но обманчивая сторона — кажется, что такие погоды установились надолго.

У Руслана Юшина и его супруги Кати образовалась свободная суббота, и они не торопясь прогуливались по Верхней набережной, направляясь в гости к каким-то своим близким друзьям, детально расписывать которых в этом тексте не требуется. Супруги были одного возраста, лет по тридцать пять, роста среднего, одеты по-летнему и в то же время празднично, и вообще — красивая пара. А еще, чтобы закончить с этой парой и чтобы стало окончательно с ними все ясно: в материальном отношении они сами себя относили к среднему классу; это значит, что они не просто думают о будущем, но и рассчитывают, что их дети будут жить лучше.

Олег Алексеевич Рябов родился в 1948 году в г. Горьком. Окончил Политехнический институт по специальности «радиоинженер». Первая публикация состоялась в 1968 году. Первая книга — повесть о войне «Письма отца» — вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1988 году. С тех пор вышли пятнадцать книг стихов и прозы. Печатался в журналах «Наш современник», «Нева», «Север» и др. Лауреат конкурсов «Ясная Поляна» и «Болдинская премия». Член Союза писателей России, российского ПЕН-центра, Национального союза библиофилов. Главный редактор журнала «Нижний Новгород».

Конец августа — традиционно время планируемых встреч и приема гостей: после летних отпусков многим хочется поделиться накопленными впечатлениями с друзьями-подружками, посмотреть в глаза друг другу. Времени до назначенного срока было более чем предостаточно, и супруги Юшины, порадовав себя мороженым на одной из многочисленных летних веранд, разбросанных по набережной, стояли молча у чугунной ограды, любуясь заволжскими далями — они в осенние деньки особенно хорошо просматриваются.

В какой-то момент супруги почти одновременно почувствовали, что их кто-то внимательно разглядывает, остановившись почти вплотную со спины, — даже дыхание и шевеления незначительные были слышны. Юшины, не сговариваясь, повернулись и банально чуть не лишились дара речи: Лейла и Вячеслав...

— А вы зачем здесь? Как?..

Двадцать лет не виделись.

Ровно двадцать лет назад, после школы и удачного поступления в университет, Руслан с благословения родителей поехал на десять дней отдохнуть и покупаться в Черном море. Там, в Судаке, в недорогом пансионате он и познакомился с Вячеславом из Кирова с такой же судьбой: после школы поступил в МГУ, тем заслужив подарок от родителей в виде недельного отдыха на море.

Можно сказать, что им просто повезло с первого дня знакомства: они оба окончили, хотя и в разных городах, какие-то специальные математические колледжи для самых одаренных ребят и поступили, пусть и в разные, университеты, но на какие-то схожие физико-математические факультеты. После часа разговоров на общие темы ни о чем они уже сами поражались тому, что обладают практически одним набором информации, схожим менталитетом, одинаково мыслят и легко догоняют друг друга при обсуждении чего-либо.

А вот внешне молодые люди серьезно отличались друг от друга: Руслан стройный или даже худой, да и невеликого роста, с черными прямыми волосами, в очках, тогда как Славик был постоянно что-то жующим, широкоплечим увальнем, наполненным иронией и скепсисом, с короткой стрижкой ежиком. При том Славик приехал в Крым на день раньше Руслана, а потому ответственно шутил, что почти целый день ждал его, сидя в кресле с журналом, чтобы познакомиться и совместно начать отдыхать.

Ребята сразу составили план действий и программу мероприятий на все свободные, предназначенные для отдыха семь дней. В планах были и Коктебель, и галерея Айвазовского в Феодосии, и Воронцовский дворец, и Ялта, и «Ласточкино гнездо». Только в первый же день, а точнее, вечер все они оказались на грани срыва; а так как все грандиозные мужские планы срываются из-за женщин, то и в нашем случае место для них нашлось.

Возвращаясь с пляжа, новоиспеченные друзья столкнулись с небольшой задачей, которую походя сумели сразу и разрешить. Шли они по центральной аллее этого приморского уютного городка и решали, как им поудачнее на следующее утро совершить восхождение к Генуэзской крепости, этакой средневековой, обожженной солнцем и временем каменной челюсти, торчащей на горе. Вот тут им и повстречались две девочки самого замечательного возраста, пятнадцатилетнего, мимо которых они почему-то пройти молча не смогли и окликнули.

А девочки, конечно, откликнулись — возраст такой, гормоны такие бодрящие.

Лейла и Катя!

И вот тут, в этот момент, сразу же вдоль аллеи стали отчетливо различаться и глянцево-листья олеандров, и ароматные магнолии, свесившие свои ветви, как рукава, до самого асфальта, и персидские акации с цветами, похожими на райских птичек. А безумные фантазии во всех четырех юных головах — ой, как далеко понеслись фантазии

эти. А еще — вечерние капустные облака, с горизонта убегающие в Турцию, а при желании и парус можно было разглядеть в дымке морской.

Девочки оказались подружками-одноклассницами, приехали они из Питера на каникулы покупаться в ласковом море и жили с мамами и с папами в коттедже, принадлежавшем какой-то нефтегазовой компании. Дом этот был не то чтобы дворец с видеокамерами на заборах и отставными майорами ГРУ на воротах, но достаточно просторный, чтобы приютить небольшую компанию гостей на недельку-другую, и хотя располагался он не на берегу моря, но и недалеко.

Так что не было там никаких магнатов и олигархов, и девочки мои — две обычные, обгорелые, с облупленными носами, выгоревшими волосами, ямочками на щеках и с царапинами на коленках, похожие друг на друга, белозубые, широкоскулые, но пока что очень худенькие, но зато очень смешливые. И если Катя постоянно заливисто смеялась на высокой ноте, как звоночек, откликаясь так на каждую шутку ребят, то у Лейлы запоминающейся была именно улыбка: разрез глаз у нее был необычным, чуть сходящийся домиком у переносицы, и при улыбке у нее приподнимались нижние веки, образуя из глаз узкие искрящиеся щелочки. На щеках у нее образовывались в этот момент заметные ямочки. Лейла постоянно улыбалась, а Катя все время хихикала.

Еще надо заметить, что если у Кати, даже при ее худобе, были уже достаточно хорошо развиты и молочные железы, и прочие достоинства интересной девушки, то Лейла оставалась пока что гадким утенком. Есть такие девочки, иногда с ярко выраженными мальчишескими замашками, которые они долго не могут растерять, а иногда и на всю жизнь сохраняют, но в определенный момент вдруг эти девочки превращаются в удивительно привлекательных красавиц, а может, даже и точнее — в привлекательные для мужчин объекты. И в этот краткий момент превращения они часто, еще самостоятельно не ощутив ответственности момента, бывают и угловатыми, и резкими, и просто безразличными к некоторым элементам своего подозрительно мальчишеского поведения, не говоря уже о ссадинах на коленках и цыпках на ладонях, — в общем, понятно, о чем я.

Вот плавный поворот головы, приоткрытый рот с белоснежными зубами, да и губы уже по-другому блестят. А главное — и откуда это — выстрел глазами! Она и сама еще этого выстрела не заметила, а уже получилось.

Естественно, настоящая мужская дружба почти всегда важнее любых девочек, девушек и даже баб, а потому Славик и Руслан, хотя сразу и воспылали, чему способствует крымская природа, но виду никакого друг другу не показали. Причем воспылали они к одному объекту, к тому, что с улыбочкой; хотя была у объекта еще и очень царственная посадка головы, и взгляд, если ничего еще и не обещающий, но уже загадочный. И странным это воспыление было, потому что — не забудем — Лейла пока что гадким утенком все же оставалась.

Полчаса болтовни на одной скамеечке, потом был поедены пломбиры уже на второй, и скорое прощание «до завтра» у ворот коттеджа Катиных родителей. Все просто.

Все просто потому, что уже на следующий день Катя очень неосторожно и в то же время «удачно» подвернула ногу на каменистой тропе при подъеме в средневековую Генуэзскую крепость (удачно, потому что знают они, когда надо подворачивать!), и всю дорогу пришлось искать ей помощи Славика, и она находила ее. Так, можно сказать, Катя в тот день уже попыталась распорядиться судьбой наших героев. Хотя, может, это и не так. Потому что в результате получилось все наоборот.

Со стен Генуэзской крепости турецкий берег было не разглядеть, но вот мыс Алчак и мыс Меганом, куда планировалось сплавать после обеда, — вполне! Сидели, болтали, мечтали — а мечтать надо обязательно и в пятнадцать, и в семнадцать лет. А на другой день уже все четвером ездили в Коктебель, где лазали по Кара-Дагу, разыскивая пещерку Волошина, и купались в Сердоликовой бухте.

Через неделю они прощались, обменивались адресами. И главное — ни поцелуев, ни нежных пожатий ручек, ничего такого, о чем должно было подуматься с самого начала и чего хотелось нафантазировать, не произошло за ту неделю. Только необычная улыбка Лейлы застряла в памяти Руслана на всю оставшуюся жизнь — такой прищур со стрелками в уголках глаз и искры из них. И осталась у Руслана по непонятным причинам уверенность, что эта улыбка предназначалась только ему. Хотя и другие мальчишки, сколько их было вокруг за эти годы, могли на этот счет так же заблуждаться, но у Руслана (он заметил!) после такой улыбки Лейлы образовывался в горле комочек, шарик такой, который он сразу не мог проглотить. Руслан и сам как человек рационально мыслящий втайне удивлялся этому факту, шарiku то есть.

Как так случилось, что спустя несколько лет две подружки-одноклассницы, навсегда разбежавшись после школы, в разных городах страны в разное время встретили своих едва знакомых ребят, с которыми невинно когда-то познакомились и провели пару-тройку дней в Судаче — неважно, ну, так бывает. И то, что они поженились, тоже не дает нам права обсуждать этот факт — тоже бывает! А вот то, что они ни разу за прошедшие двадцать лет не вспомнили, а если и вспомнили, то не попытались восстановить, обновить тот контакт, который их когда-то свел и стал поводом для знакомства, — это удивляет. Но и так бывает!

Хотя заставляет задуматься: женщины иногда определяют, чувствуют и начинают интуитивно опасаться практически незаметных изменений во внешних условиях для их семьи, очага, быта. Каким признакам и приметам они доверяют? Но в таких случаях вдруг по непонятным и необъяснимым для мужчин причинам они, женщины, принимают очень решительные меры для ограничения определенных контактов, смены образа жизни, привычных мест проведения досуга, а иногда даже прикладывают неимоверные усилия для смены места работы, и не только своей, но и своего супруга. Хотя такое волнение и забота характерны для особой женского пола и у других видов: волчица тоже может внезапно, по одной ей ведомой причине сменить логово и перетаскать своих малых детенышей в новую нору — так надо!

Видимо, в одной из головок моих Лейлы или Кати (неважно!) уже с детства выкристаллизовалась эта теория опасности, и она уже оберегала свою семью от ненужных контактов. Вы понимаете, о чем идет речь? Ну, женщины-то понимают.

А тут просто снова судьба, и от нее не убежишь — эта встреча через двадцать лет.

— Ой, не может быть. Глазам своим не верю, — это произнесла Катя.

— С ума сойти! — это сказал Руслан.

— Да, мы, — покачивая головой и ухмыляясь радостно, ответил Славик.

Лейла обнимала Катю, сощурив глазки и сверкая своей лучезарной улыбкой, цену которой она уже и знала и понимала. Искрила она этой улыбкой в сторону Руслана. В отличие от Руслана с Катей, которые, трудно не заметить, были одеты в выходные, хотя и светлые, но чуть ли не концертные костюмы, Лейла со Славиком были в шортах, футболках, затемненных очках, и вообще — видок у них был и пляжный, и расхристаный.

Если Катя к своим тридцати пяти годам, став матерью трех пацанов, и не обабилась, то уже приобрела некоторую тяжеловесность, Лейла, напротив, вошла как раз в ту форму, которую опытные женщины, заботясь и стараясь, могут сохранять до шестидесяти. В общем, Лейла относилась к тем дамам, на которых не оборачиваются только дубовые бревна. Да и то — если они не оборачиваются, Лейла сама может обернуться, чтобы запомнить их и однажды припомнить.

— Братцы мои, — загудел Славик, — сейчас же все идем в ресторан, и у нас с вами будет вечер откровений и воспоминаний.

В Славике чувствовалась честно заработанная солидность: весу, как минимум, центнер при росте сто семьдесят — это уже что-то.

— Господи, только не сегодня, — Руслан старательно протирал очки, — давайте придумывайте что-то разумное. Вы откуда, куда и надолго ли к нам сюда? Мы-то идем, спешим почти что, на серебряную свадьбу к моему шефу: не прийти или опоздать нельзя — обида, оскорбление, обструкция.

— Мы из Кирова втроем с дочерью Сонькой, ей двенадцать лет, едем в наш любимый Крым. Мы в отпуске. Вот по пути на пару дней заскочили в ваш богоспасаемый город, столицу Приволжья, чтобы полюбоваться седыми развалинами России, да вас и встретили! Мы знали, что вы здесь где-то существуете, — мне докладывали. Я говорил Ляльке, чтобы она выяснила, как вас разыскать, а она что-то прокопалась и ничего не узнала. Да вот она, судьба, сама распорядилась. Фу, даже запыхался, как зарпортовался, — отчеканил Славик.

— Где вы остановились?

— В конце Гребного канала есть у вас тут какие-то Артамоновские луга. Так там для таких, как мы, выделена огромная территория вдоль озера. У нас же дом на колесах, прицеп-трейлер немецкий. Сейчас там таких, как мы, машин десять стоит. И ребята все интересные: из Польши, из Франции, из Норвегии. Кто в Сибирь едет, а кто — в Сочи. Днем у нас городские развлечения, а по вечерам шашлыки, костер, песни. Позавчера мы прибыли, послезавтра дальше поедем! Завтра выходной — давайте к нам на шашлыки часика в три-четыре! Готовы? Ты как, Катя?

— Завтра? Давайте — завтра в три мы будем у вас.

— У вас дети есть?

— Есть — трое, пацаны.

— Тогда мы ждем вас с пацанами. Поболтаем, молодость вспомним, детство нам вспоминать еще рано. Так что мы ждем? А то вон нас тоже ждут уже соседи по лагерю около кафе, — Славик кивнул в сторону.

Руслан обнял Славика и чмокнул Лейлу в щеку — она его тоже чмокнула и, сощурив глаза, искрами брызнула в него. У Руслана в горле образовался маленький комочек, который он вроде сразу проглотил, но тот образовался снова. Катя поцеловала и Славика, и Лейлу, не переставая глупо хихикать.

Утром сквозь туман моросил мелкий холодный осенний дождь. Ни о каких шашлыках речи быть не могло. Руслан сварил кофе и вернулся в спальню.

— Где мальчики? — спросила у него Катя, усевшись на кровати и кутаясь в халат.

— Старшие в клуб тренироваться ушли, а Вовик в компьютере сидит. Ну что — никаких шашлыков, я думаю, у нас сегодня не получится. Бабье лето, как и любое другое лето, закончилось не начавшись.

— Какие шашлыки, ты что — с ума сошел? И Славик с Лейлой давно уже забыли про твои шашлыки и про тебя. Дождь, холод, а он — шашлыки! Лучше закрой окно. Да они и про нас-то уже забыли давно: пригласили — так это обычная вежливость. Подумай: мы что, им — родственники? С родственниками можно общаться, и по двадцать лет не видясь. А тут: что мы с ними — близкие друзья? Так, седьмая вода на киселе, виделись один раз полвека назад.

— Ну, не один раз и не полвека назад.

— Ты что, хочешь сказать, что надо ехать в такой дождь на пикник на природу и сидеть там на мокрой траве под дождем?

— Нет, нет, упаси бог — никуда мы в такую погоду, конечно, не поедем. Пошли лучше пить кофе, я сварил. А потом я на базар съезжу.

— На базаре купишь мне фиников и кураги. А вообще-то, я тебе список напишу.

К полудню, когда Руслан выбрался из дома, дождик прекратился и даже солнышко выглянуло над крышами домов, но как-то пока неуверенно. А вот теплом все наполнилось сразу: земля делилась накопленным. Сев за руль, он решил поначалу, до база-

ра, съездить в Артамоновские луга, на туристическую стоянку, чтобы и объясниться, и попрощаться со старыми знакомыми.

Около Главного озера, которое помнил Руслан с детских лет — ездил когда-то сюда на велосипедах с друзьями детства с удочками окуней ловить, — стояли несколько машин с жилыми домиками-прицепами. Некоторые домики были без машин — хозяйева уехали в город гулять. Никого из живых жителей лагеря с первого взгляда он не рассмотрел: кострища, залитые дождем, и замершие пластиковые столики со стульями. Хотя вот и увидел: около большого американского джипа на надувном резиновом стульчике сидела в одних трусиках маленькая и худенькая (прямо одни кости да кожа!) девочка. Сидя по-турецки и поджав под себя одну ногу, она, задрав другую, пыталась откусить у себя с большого пальца ноги заусеницу. Руслан остановился от нее в пяти шагах, когда они встретились взглядами. Руслан разглядел ее большущие белые зубы, которыми работала девочка, — они торчали вперед, как две лопаты, как у бобренка.

— Не получается? — спросил Руслан.

— Сейчас получится, — прошипела девочка, не разжимая зубов и сверкнув из-под прищуренных глаз на Руслана.

Девочке было лет десять-двенадцать, жиденькие волосики ее мокрыми хвостиками прилипли к спине, видимо, она только что купалась, не успела хорошенько вытереться и покрылась уже вся гусиной кожей.

Наконец-то ей удалось откусить заусеницу, и, скрестив ноги уже ровно, девочка уселась по-настоящему, по-турецки, раскорячив колени и подняв голову на Руслана. И ключицы, и ребрышки ее были легко различимы под пергаментом тонкой кожицы, хотя железы ее уже чуть-чуть начали припухать, но девочка к этому факту относилась, скорее всего, с безразличием.

— Ты бы пошла да вытерлась по-хорошему полотенцем. На тебя смотреть — и то холодно. Тебя Соней зовут? Где у тебя папа с мамой?

— Это тут, снаружи, холодно, а вода в озере очень даже теплая. А папа с мамой на базар с соседями уехали за мясом, — и девочка Соня улыбнулась.

На щечках ее образовались ямочки, прищуренные нижними веками, глаза чуть прикрылись, превратив их в узкие щелки, и они, глаза, засияли сквозь эти щелки, брызнув огнем.

«Господи, откуда вы беретесь такие, девочки? Правда, что — нимфетки!» — прошептал про себя Руслан, попытавшись проглотить маленький шарик, образовавшийся в горле.

— Соня, передай папе с мамой, что шашлыки наши на сегодня отменяются, и пожелай им, а точнее, вам счастливого пути.

МЕНЯ ПОДАРИЛИ ДВАЖДЫ

Возраст такой: часто в разговорах с добрыми знакомыми, да и с малознакомыми узнаю, что многие жизненно важные решения принимаются людьми с ответственным общественным положением или в больницах, или сразу после выписки после болезни, то есть оценив всю серьезность диагноза. Люди в таких сложных ситуациях или курить бросали, или разводились, или роман новый начинали писать — в общем, все нешуточно разрешалось.

Я тоже как-то раз заболел, и нашли у меня всяких нехороших симптомов внутри организма вагон и маленькую тележку: перечислять — язык сломаешь. А напоследок, при выписке врач мой лечащий, настоящий профессор и человек симпатичный лично мне, посоветовал для полной реабилитации, а болезней у меня клубок, съездить

на настоящий курорт водички попить: или в Кисловодск, или в Карловы Вары, или в Мексику. Так я оказался в Марианских Лазнях.

Карловы Вары — это такая стопроцентная модная тусовка, куда приезжает молодежь со всей Европы пивом залиться; и вот гуляют они взад-вперед вдоль речки Теплы. Воду различную лечебную для санаториев местных туда чуть ли не в цистернах привозят с гор — своих у них всего два источника. А в Марианских Лазнях этих разных по составу минеральных источников уже больше десятка, вот туда я и поехал. Этот курортный городок недалеко от Карловых Вар, чуть повыше в Рудных горах стоит, но он тоже знаменит на весь мир. Императоры, знаменитые артисты, великие писатели иной раз с последней надеждой в Марианские Лазни ехали, в Мариенбад, по-старинному если.

Поселился я в очень хорошем спа-отеле с полным набором процедур, с бассейнами, банями, водолечебницами и всем, что доктор может прописать. С доктором тоже встретился — молодой мужик лет тридцати, русский, с хорошим чувством юмора; он все, что надо, прописал и объяснил, что и почему мне надо, а чего не надо.

Марианские Лазни в мае — высокий сезон, гуляют старухи в белых и кремовых крепдешинах, шляпках, с зонтиками от солнца, и старики такие же. С одной стороны, понимаю, что и я уже отношусь к этой возрастной категории, если меня сюда отправили восстанавливаться, а не в Сочи на Роза-хутор, на горнолыжную трассу, с другой — взглядом я толпу окидываю в надежде. И нашел! Даже больше чем нашел — узнал и обмлел! Она меня тоже узнала.

Но тут надо вернуться.

Договорился я лет пятнадцать назад со своими старыми друзьями, доброй супружеской парой, которых знал чуть не со школьной скамьи, съездить отдохнуть и покупаться на недельку в Коста-Браво, этот участок средиземноморского побережья считается испанской Ривьерой, а как называлась деревушка, в которой располагался мой отель, я уже и не помню. Отдых у моих друзей по какой-то непонятной причине строился, и я поехал один — не пропадать же почти задаром доставшейся путевке.

Отелю, в котором я остановился, кто-то когда-то присвоил четыре звезды, но номерок мой был не краше, чем средненький: маленькая клетушка с крошечным балкончиком. Хотя и на берегу, но стоял отель на довольно высокой скале, и спускаться к пляжу надо было по крутой и узкой каменной лестнице в пятьдесят ступенек. Там, правда, и лифт был прямо на пляж, но только для технических целей. А вот кухня была отличная, по мне, как впоследствии оказалось. И дворик был оборудован замечательно: бассейн с циркулировавшей водой, шезлонги, столики с цивильными стульями, круглосуточно работающий бар и два стационарных мангала, около которых сутились восточные повара — то ли вьетнамцы, то ли китайцы, один постоянно возился со свежей рыбой, второй с мясом.

С друзьями, еще перед поездкой, мы разработали программу отдыха на всю неделю, но так как состав команды поломался, то и режим отдыха изменился. А в планах был и футбольный матч в Барселоне на Ноу-Камп, и посещение настоящей корриды в Мадриде. Мне теперь не хотелось осуществлять никаких затратных в плане передвижений мероприятий, а хотелось спать и запивать замечательным легким испанским вином сочную, только что выловленную в море и зажаренную на открытом огне рыбу. А само море меня не восхитило — забравшись туда на полчаса, я почему-то без восторга перебрался во дворик и, лежа в шезлонге, дремал около бассейна.

Я с ними познакомился в первый же вечер.

Они уселись за столик рядом с моим шезлонгом с двумя бокалами белого вина. Они пили вино, курили и по-бабьи болтали — они болтали по-русски. Обе они были молоды и, на мой вкус, совершенно хороши.

Той, что постарше, было лет двадцать пять, не больше, у нее были правильный овал лица, царская осанка и крупные яркие черты лица: темные волосы со стрижкой «каре», большие глаза, темными стрелами брови и яркие губы. Этот тип женщин я отношу к южнорусскому — такими, по-моему, должны быть казачки, а может, что-то и от библейской нации тут было намешано. Все ее поведение говорило об уверенности в своем положении, а плавность в движениях и о превосходстве в чем-то непонятном пока для меня.

Вторую я назвал бы скорее даже девушкой: ей не было, наверное, и двадцати, хотя это все так условно. Она была стройна, миловидна, кокетлива и очень женственна. Ее светло-русые волнистые волосы были до плеч, черты лица были мелкими, но улыбка, которая на нем регулярно вспыхивала и тут же гасла, завораживала. И фигурка у нее была такая точеная — глаз не оторвешь. Кстати, она мне уже в первый момент напомнила чем-то новенькую, только что засветившуюся в каком-то телевизионном сериале артисточку — хотя современный макияж так меняет внешность, и не только женскую.

Обе незнакомки, которые в первый же день расположились за столиком рядом с моим шезлонгом с бокалами вина, были в пляжных купальных бикини, и я, на какое-то время просто забыв обо всем, любовался ими. Не знаю, обратили ли они на меня внимание, но очень скоро они поднялись и, держа друг друга за руки, направились в гостиничный корпус. Не поверите — в тот же момент у меня мелькнула мысль об их нестандартных взаимоотношениях. И потом моя догадка подтвердилась.

Познакомились мы уже вечером. На небольшом невысоком подиуме, заменявшем эстраду, сидел на стуле старый негр и играл на гитаре. Он и играл неплохо, и пел хриплым голосом тоже неплохо, а еще — вокруг трещали цикады. Мои дневные соседки были в скромных вечерних, умеренно открытых платьях и с минимальным, совсем неагрессивным макияжем. Они меня снова восхитили. Я, употребив сто пятьдесят местного бренди у стойки бара, без смущения попросился за их столик и получил твердое согласие. Мало того, они не отказались со мною выпить, а познакомившись, я узнал, что черненькую зовут Марина, а русоволосую — Роза. Роза действительно работала на телевидении, а Марина преподавала сценическую речь в ГИТИСе. Меня с обоюдного согласия они решили звать Дружок — как собачку, отшутился я. А дальше они внезапно согласились осуществить совместно часть моей, уже забракованной мной, программы в виде поездки в музей Сальвадора Дали во Фигерасе. До этой деревни, где великий маэстро построил свой знаменитый замок для своих необычных коллекций, было пятьдесят километров, и не сгонять туда было непозволительной роскошью.

Мы общались и знакомились часа полтора-два, пока не закончилась вечерняя развлекательная программа, после чего обе красавицы, как по уговору, поднялись и, поцеловав меня довольно сочно в щеки, направились к себе в номер. Они шли, обнявшись, поглаживая друг друга по попам и чмокаясь в губы, словно птички клевали. Я же еще успел подойти к дежурному на «рецепшн» и заказать напрокат машину, чтобы с утра мы могли ехать. Права у меня — всегда с собой.

Утром, сразу после завтрака я вышел на площадку перед отелем. Под акациями стоял маленький автомобильчик «Ситроен-АХ» пыльно-бурого цвета, и возраст ему был по документам — двадцать лет. Двадцать лет — это солидно! Даже у нас в стране, куда начали свозить в те годы весь автомобильный хлам со всей Европы, я не видел такого раритета.

В этот момент и обе мои предполагаемые спутницы появились на площадке, но их эмоции разительно отличались от моих: они восторженно запрыгали и радостно завизжали

— Мы хотим сфотографироваться с этим чудом, — заявили они в один голос.

Механик от фирмы проката, приставленный к нашему средству передвижения, оказался русскоязычным, хотя и с жутким, незнакомым для меня акцентом. Он быстренько нам объяснил: куда нам надо ехать, а куда — нет! Лучше бы он не торопился, а точнее — я! Поболтали бы! Сколько их, наших бывших сограждан, таджиков и латышей, маются теперь без надобности по миру, ищут места, где бы приткнуться!

Бак был полон.

Навигаторов в те времена еще не существовало, но у Марины откуда-то в руках образовался атлас испанских автомобильных дорог, и она, как я и предполагал, оказалась толковым руководителем.

— Дружок, — обратилась Марина ко мне, — давай ты будешь водителем и механиком, а я буду штурманом? Иначе мы никуда сегодня не уедем, а тем более не доедем!

Я вынужденно согласился, и мы отправились в путь. За десять минут, что мы колесили по нашей деревне, я умудрился въехать в переулочек с односторонним движением, откуда выбирался задом, царапаясь крыльями о стенки домов. Потом я сумел проколоть колесо и перебортировать его в мастерской, где нам сделали это бесплатно: там как-то угадали, что машина в аренде у иностранных туристов. И только после этого, когда мои спутницы уже вспомнили, что они умеют ругаться матом, мы выбрались к пропускному пункту, который выводил нас на дорогу, ведущую к городку Фигерасу, к замку Сальвадора Дали. Тут мы купили какой-то талончик, и нас через шлагбаум пропустили на трассу.

Таких дорог я к тому времени еще ни разу не видел: гладкая, как зеркало, прямая, как стрела, в шесть полос. Мы разогнались до скорости сто тридцать (нас предупредили, что меньше ста десяти тут ездить нельзя!), но машины и мотоциклы, которые нас обгоняли, шли со скоростью двести или двести пятьдесят — они пронеслись мимо нас, как вдоль забора. В центре этой гладкой стрелы — металлические отбойники в виде стенки, по бокам — отбойники, через каждые десять километров — огороженная бордюром стоянка для отдыха, а в одном месте мы заметили, как два подъемных крана и вертолет вытаскивают машину из кювета.

Волноваться я начал через сорок километров: мы не проехали ни одного населенного пункта! А по карте они были. Еще через десять минут я увидел краем глаза где-то сбоку голубенькую надпись латинскими буквами «Фигерас» и сразу же разглядел, что под виадуком, по которому мы пролетали, а также и немного в стороне находится населенный пункт; наверняка это был Фигерас! Только съехать с этой дурацкой дороги, на которую мы забрались, не было никакой возможности — это была автострада Барселона—Гамбург.

До границы с Францией оставалось двадцать километров. Мои спутницы успели несколько раз покурить, попить кока-колы, а в какой-то момент даже обсудили: а не лучше ли сразу нам махнуть во французский Арль, в музей Ван Гога, до которого оставалось всего-то каких-то двести километров. Погода стояла замечательная, ветер свистел в дверных щелях нашего гоночного аппарата, и никаких намеков на цивилизованный спуск с трассы на второстепенные грунтовые или гужевые дороги не было.

Мы остановились в небольшом заасфальтированном кармане передохнуть, перекурить и подумать; это случилось за пять километров до границы с Францией, когда мы уже проскочили на двадцать километров наш заповедный городок Фигерас. Мои девчонки остались сидеть в машине, а у меня образовался позыв, который я решил реализовать, и отошел на край площадки. То, что я там увидел, вдохновило меня и немного напугало: один пролет ограды был выломан, и под уклоном в сорок пять градусов (я как горнолыжник знаю, что это такое!) с площадки шел спуск на кукурузное поле, метров десять.

Обрадованный, я вернулся к своим бесшабашным спутницам. Бесшабашным потому, что они не только решительно согласились спускаться по этому склону, но и отказались выходить из машины на время спуска. Еще час мы ехали по кукурузному полю, по испанской пылище и по испанским буеракам до замечательного замка-музея Сальвадора Дали. Из многочисленных, из десятков залов и коллекций я запомнил только комнату со стенами, обитыми крыльями, отрезанными от убитых брачующихся селезней, и стенку, украшенную крылышками бабочек, — угнетающее впечатление.

Вечером мы купались в море при луне и шалили. Меня откровенно смущало то, что обе мои барышни заигрывали со мной, а я никак не мог сделать предпочтения, и их это занимало все больше и больше. Потом ели бараньи ребрышки с красным вином на веранде, и шутки наши походили уже иной раз на скабрёзности, но девушек это не смущало. Прощаясь на ночь, Марина мне вдруг сказала:

— А что, Дружок, приходи к нам в номер через полчаса. У нас бутылочка шампанского нашего, «Советского» есть, побезобразничаем?

— Хорошо, приду, если вы приглашаете, — ответил я, наивно не задумавшись над услышанным.

В назначенное время, натянув шорты и распашонку, купив в буфете бутылку французского шампанского, я отправился к своим попутчицам в гости: можно было в спокойной обстановке обсудить сегодняшние приключения и впечатления от посещения музея гения двадцатого века. Спокойной обстановки не случилось.

Я постучал в дверь номера.

— Войдите! — раздалось из-за двери спустя минуту-другую.

Их номер действительно тянул на четыре звезды — просторный и ухоженный. Мои подружки сидели на своей широкой двуспальной кровати в позе вирасана, то есть на коленях, совершенно обнаженные, и строго поглядывали на меня. Я остолбенел от увиденного чуда. Я был поражен, я не представлял себе, что так может быть оглушительна красота женского тела. Ни один эротический ролик, ни один мужской журнал не дает такого полного впечатления. Видимо, еще нужна и такая подготовка, которая имела место в моем случае.

Хотя в течение двух дней во мне и нарастал некий естественный позыв, обусловленный внешней привлекательностью обеих моих дам, но в то же время я уже мог и сформулировать за это время некие претензии: от Марины я мог требовать большей пластики и легкости, а от Розы некоторых размеров и серьезности. А сейчас, остолбенело стоя в дверях, я понимал, как это мелко и как сильно чувство зова природы. Все размеры у моих дам были идеальны или в полной гармонии. Или это мозг мой так устроен.

Тут я почувствовал, что и сами дамы мои наслаждаются своей красотой и своим естественным совершенством, и даже то, что лобки у них были выбриты в виде маленьких треугольничков, говорило об их желании наслаждаться своими телами. Хотя бы до той поры, пока такая возможность есть. С другой стороны, я понимал и то, что существует такая примитивная вещь, как гормоны, и для меня как для мужчины эти объекты интересны как представители противоположного пола. А что же происходит в организмах этих дам? Там — обман? Болезнь? Или — дань моде, а дань природе придет потом. Застывшая инфантильность и надуманный детский негативизм? А желание поиграть сейчас со мной, это — дать естественный выход накипевшему, своему женскому гормональному потоку или вновь какая-то новая игра?

Мы провели замечательную ночь втроем и выпили три бутылки шампанского. У меня такая ночь была впервые, и мне ее сравнивать не с чем, а потому и делиться не буду.

Утром Марина уехала. Перед отъездом она успела заскочить ко мне в номер и шепнуть:

— Я Розочку оставляю тебе в подарок, Дружок. Береги ее, люби, лелей. Чувствую я, что у вас может все получиться, и тебе она ближе к сердцу прилегла, чем я. Может, она ко мне и не вернется после тебя — посмотрим. Ну, а если вернется, значит — мое счастье.

Провели мы с Розочкой очень качественную и плодотворную неделю в Испании, а потом еще и в Париж на неделю съездили. У любого мужчины в жизни бывали такие «розочки», и не раз я вспоминал ее, да только встретиться — не судьба!

Ан нет — судьба! На то они и Марианские Лазни, чтобы встретиться там с Розочкой. Этот исторический город помнит и Гоголя, и Гончарова, и Гёте, и Вагнера, а принцы всякие сюда, как на исповедь, перед коронацией ездили. А вот и мы с Розочкой тут.

Она подошла ко мне молча и, закрыв глаза, прижалась ко мне всем телом и плотно провела своим твердым горячим язычком по моим губам. Потом открыла глаза и повисла у меня на шее. Сколько ей сейчас? Тридцать? Тридцать пять?

— Ты что здесь делаешь, Дружок? Уж не болеешь ли ты? Ты ведь нам с Маринкой здоровым нужен.

— Как с Маринкой? А вы что, с Маринкой здесь? А я, вообще-то, здоровый, если ты это имеешь в виду.

— Я все имею в виду, и это тоже. И даже это в первую очередь! А у Маринки здесь в горах замок свой, и мы с ней там живем. Она еще давно замуж вышла за одного большого, толстого и богатого политика немецкого, еще когда во ВГИКе преподавала, а когда тот узнал, что мы с Маринкой любим друг друга, то он так напугался, что о нем там кто-то в Германии что-то такое говорить будет. Он развелся с Маринкой и в качестве отступного подарил ей замок здесь, в Чехии, который ему, немцу, принадлежал как наследнику каких-то там последних законных владельцев. У него этих замков несколько. Даже не подарил он этот замок, а после развода и раздела он Маринке просто достался. Мы с Маринкой устроили там музей и экскурсии водим — тем и на жизнь себе зарабатываем. Да, этот немец еще и денег полно Маринке оставил. А тебя мы как-то раз с Маринкой вспоминали. Знаешь что — хочешь Маринку увидеть? Она прекрасно выглядит, ей сейчас тридцать девять лет, она в соку. А тебе сколько? Пятьдесят? Пятьдесят пять?

— Да.

— Так что — поедем к Маринке?

— Да, поедем.

— Сейчас наш автобус с экскурсией вернется, и мы на нем поднимемся в замок. Только ты мне сейчас прямо скажи — что у тебя за болячки. Мы ведь здесь, на таких курортах, все становимся специалистами по болезням, хотя и не врачи.

— Да ничего серьезного: гастрит, холецистит и крохотная недостаточность митрального клапана.

— Я все поняла: тебе все можно. Я сейчас только Маринке позвоню.

Розочка достала свой айфон и что-то там натыкала пальцем:

— Ма, я тебе сейчас подарок пришлю. Как какой? А помнишь, ты мне один раз в Испании оставила подарок, незавернутый в бумажку? Так вот я тебе его нашла тут в Лазнях, и он не против с тобой пообщаться. Так что я тебе его пришлю с автобусом — люби его, лелей и ласкай. Пары дней тебе хватит? Я в Прагу сейчас махну, там какие-то бумаги надо подписать, приеду завтра. Если ты его сумеешь удержать до той поры, то и вместе поиграем. Да, Дружок, Дружок, угадала.

Она убрала гаджет в свою сумочку.

— Что, Дружок, ты все слышал? Поедешь к Маринке в замок?

— Поеду. Только что же это — поедем вместе?

— Нет, я хочу Маринке подарок сделать, а вот уж оставит она мне кусочек от этого торта, от тебя то есть, или нет — посмотрим. Я завтра буду.